

15. Кальмина, Л.В. и др. Экономика в региональном «интерьере»: Западное Забайкалье в модернизационных процессах 1880–1930-х гг. [Текст] // Л.В. Кальмина, М.Н. Балдано, А.М. Плеханова, Л.И. Бородкин, Т.В. Паликова. — Иркутск: Оттиск, 2015. — 228 с.

I.V. Poberezhnikov

Volga and Ural Regions — Frontier Modernization Regional Models in the Russian Empire

Igor V. Poberezhnikov, Doctor of Historical Sciences, director, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg; e-mail: pober1871@mail.ru.

Abstract. *The article analyzes regional models of frontier modernization in the Russian Empire based on the material of the Volga region and the Urals. The author identified three stages in their development: frontier, frontier modernization, and early industrial modernization. The author highlighted the trend towards stronger integration of regions into the common country space.*

Keywords: *modernization, frontier, colonization, center, periphery, Russian Empire, Volga region, Ural, proto-industrialization.*

УДК 94(470.5)

И.Н. ЮРКИН¹

НЕВЬЯНСКИЕ БАШНИ ДЕМИДОВСКОГО ВРЕМЕНИ

Аннотация. *Статья посвящена изучению истории изготовления башенных часов на Невьянском заводе в годы, когда он принадлежал Демидовым. Приведены сведения о существовавшей в Невьянске башне, которая использовалась для выполнения работ по сборке и наладке таких часов. Опубликован фрагмент документа 1759 года, содержащий сведения о деревянной и каменной башнях в Невьянске. Устанавливается время существования деревянной башни, имена мастеров, которые занимались изготовлением часовых механизмов, названия заводов, на которых при Демидовых существовали такие башни.*

Ключевые слова: *башни, изготовление часов, Демидовы, раздел наследства, Невьянск, облик города-завода.*

¹ Юркин Игорь Николаевич, д-р ист. наук, ФГБУН Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, г. Москва; e-mail: ig-yurkin@yandex.ru.

Невьянская наклонная башня — выдающийся исторический и архитектурный памятник, заслуженно широко известный. Башне посвящены книги В.Г. Федорова, И.М. Шакинко, В.М. Слукина [1–3], о ней написано множество статей, число упоминаний о ней огромно.

Башня представляет собой поднявшийся до отметки 57 м трехъярусный восьмерик на высоком четверике, стоящем на двухэтажной палате. Точных данных о том, когда и кем она была построена, нет. Преобладает версия, согласно которой башня строилась в два этапа. На первом (приблизительно в 1723–1725 гг.) были сложены палата с крыльцом и четверик. На втором, продлившемся до 1732 г., построили восьмерик. Высказаны аргументированные предположения по поводу имен мастеров, руководивших работами [4, с. 43–49, 63, 64]¹.

Невьянская наклонная башня стала памятником роду Демидовых, сооруженным самими Демидовыми. Из архитектурных свидетелей истории демидовского рода она — из самых ценных и притягательных. В списке демидовских древностей не так уж много объектов со столь высоким мемориальным потенциалом. Важнейшие — Невьянская башня, клеймо «старый соболев», родовой герб с рудоискательными лозами и славящим труд девизом. Обретя их, демидовский Урал обрел демидовские символы. Обрела их и Россия.

Несмотря на пристальное внимание к памятнику, в его истории остается немало белых пятен. Как будет показано в статье, даже число башен, существовавших на территории Невьянского завода, требует уточнения. Это небольшое исследование предпринято с целью прояснить некоторые детали, касающиеся истории этих башен.

Сообщаемые далее факты и умозаключения опираются на относящееся к середине XVIII в. любопытное упоминание о башнях, прежде исследователями или не замеченное, или их не заинтересовавшее. Оно присутствует в документах, связанных с разделом имущества покойного Акинфия Никитича Демидова. Состав долей его сыновей Прокофия, Григория и Никиты определяло особое «Расписание», согласованное сторонами 1 декабря 1757 г. В мае следующего года наследники вступили в суверенное владение своими частями. Вскоре однако, выяснилось, что осталось множество мелочей, требовавших дополнительного согласования. Работа по сближению бумажной схемы и реальности заняла несколько лет.

Отношения между братьями в этот период часто были далеко не братскими. Взаимные их обиды отразили жалобы, поступавшие

¹ Не противоречит этому мнению В.М. Слукина: фундамент заложен в 1721–1723 гг., постройка «складена» в 1725–1732 гг. [3, с. 38, 52].

в Берг-коллегию. В многочисленных грехах, как серьезных, так и мелких, обвинял братьев Прокофий. Те возмущались («есть ли б совесть имел, то б в челобитной о том и писать стыдился»), некоторое время терпели, но в августе 1759 г. подали свою жалобу. К ней приложили перечень того, в чем, по их мнению, Прокофий взаимные договоренности «не токмо не исполняет, но и ничего братьям своим дать не хочет». В длинном списке присутствует пункт 16, в котором читаем:

«Башенные двои часы с колоколами Прокофьевы поверенные и Невьянского завода прикащики Махотины в раздел не отдают, под следующим вымышленным претекстом. При жизни Акинфия Демидова заведены болшие с колоколами башенные часы, для которых привода и пущения в ход зделана в Невьянском заводе на четырех столбах обшитая тесом башенка. Но как главной всех заводов бывшей прикащик Степан Егоров получил от 27 генваря 758 года о разделе имения ордер, в коем велено к маию месяцу все приуготовить, и чтоб с перваго числа мая уже каждая часть, назначенная в разделной, в свое течение вступила, то оной Егоров велел на вышеозначенную четырехстолбовую башенку поставить двои не совсем зделанные часы, и к ним привесить колокола; чтоб оные в разсуждении равенства в разделе привест в совершенство, ибо в Невьянском заводе часы с колоколами на каменной башне уже имеютца. Которой случай, пымав за находку, Прокофьева поверенные и прикащики Невьянского завода Махотины в раздел не отдают, и боде оныя стоят на башне, а не в анбаре» [9, л. 241 об.–242].

Этот текст и послужил поводом для написания этой статьи. Чтобы разобраться в нем, обратимся к «Пунктам, касающимся к постановленному полюбовному разделу» — приложению к согласованной сторонами в 1757 г. схеме раздела имущества. В них, а именно в пункте 17, читаем:

«...Заводам, дворовому и прочему строениям з землями и угодьями, и з действующими инструментами, также мельницами, и скотным двором... быть при тех частях, кому каторая ныне по полюбовному розделу достались» [5, с. 42].

Здесь описан принцип раздела недвижимой собственности. Конкретному заводу — его постройкам и земле под ними — предписано быть в той части, в которой определено Расписанием. К недвижимому условно присоединены инструменты (имущество движимое), но лишь «действуемые», т.е. включенные в технологический процесс. Стороны договорились считать их как бы частью завода.

Дальше в том же пункте об имуществе движимом: «А о запасных материалах и припасах, также и о инструментах, медных, железных, чугунных, и каменных, и деревянных и протчих материалах и припасах оные разделить поравну» [5, с. 42]. Т. е., если в сарае, положим, дюжина лопат — каждый может претендовать на четыре.

Общее правило: неотъемлемое от завода — тому, чей завод, прочее поровну. Просто. Но открывает возможность для манипуляций. Ее и заподозрили братья. Вернувшись к их прошению, разберем подозрения.

История, какой она реконструируется из челобитной, начинается при Акинфии Никитиче. Документ сообщает, что при нем были «заведены болшие с колоколами башенные часы, для которых привода и пущения в ход зделана в Невьянском заводе на четырех столбах обшита тесом башенка». Акинфий умирает, готовится раздел имущества. Приходит приказ готовиться, «чтоб... каждая часть, назначенная в разделной, в свое течение вступила». Исполняя его, Степан Егоров, главный приказчик заводов, велит на «четырёхстолбовую» башенку поставить двое часов, которые «не совсем зделанные», и привесить к ним колокола. Чем руководствуется — не объяснено. Хочет освободить помещение для перекладки туда другого имущества? Или печется, по выражению документа, «в разсуждении равенства в разделе» — хочет его облегчить, выставив делимое напоказ? Как бы то ни было, поверенных Прокофия, будущего хозяина Невьянского завода, эта перестановка наводит на некую мысль, и они, по словам братьев, этот «случай, пымав за находку», используют. Раз часы с колоколами «на башне, а не в анбаре», рассуждают прокофьевы люди, они суть имущество недвижимое, следовательно, остаются за заводом. На что и жалуются Григорий с Никитой: те их (т. е. прокофьевы приказчики — часы) «в раздел не отдают». Братья требуют справедливости: предлагают учесть, что, кроме спорных часов, «в Невьянском заводе часы с колоколами на каменной башне уже имеютца». Из чего, по их логике, следует, что часы на башенке должны быть отданы им.

Сказанное объясняет использование множественного числа в названии статьи. Башен в Невьянском заводе было две: собственно каменная башня и та деревянная башенка на столбах, на которой доводились «до ума» часы и механизм, приводивший в действие колокола.

Тот факт, что на каменной башне в 1759 г. были «часы с колоколами», открытием, конечно, не является. Известны и более ранние

упоминания о них. Так, Иоганн Гмелин в «Путешествии в Сибирь», описывая Невьянский завод, где побывал в августе 1742 г., отметил высокую каменную колокольню «с башенными часами с боем» [4, с. 67; 6, с. 20, 33].

Что же привлеченный нами источник добавляет к тому, что было известно раньше?

1. Из него узнаем, что в течение 13 лет, пока Невьянск пребывал, по сути, без хозяина, часы на каменной башне оставались, никто их там не разорил. Причем часы оставались часами — механизмом, а не металлоломом.

2. Владельцы в нашем отрывке называют каменную постройку «башней», явно отличая от церковной колокольни. Из чего заключаем, что к ее колоколам привыкли относиться прежде всего в их связке с часами. Говорим об этом потому, что Гмелин увиденную им каменную башню принял за колокольню стоящей рядом церкви. Поскольку собственной колокольни у деревянного храма не было, возможно, что время от времени с башни звучал и церковный звон. Но для заводовладельцев, повторяю, это были не колокола, а «часы с колоколами».

3. Представляемый документ подтверждает тот известный факт, что мастера, жившие в «Ведомстве Акинфия Демидова» (как обозначали его на ландкартах), помимо прочего, изготавливали башенные часы. Заключаем это из упоминания двух часовых механизмов, в отношении которых сказано, что они «не совсем сделанные». Их либо сделали, не доделав, либо получили (купили?) недоделанными. Второе маловероятно, первое согласуется с другими данными.

4. Где-то — это, скорее всего в Невьянске. Действительно, странно было бы, если бы часы сделали, положим, в Нижнем Тагиле, а потом недоделанные перевезли в Невьянский завод. О том, что местом, где их изготавливали, был Невьянск, говорит и факт существования здесь специальной башенки, «в которой становятся ново сделанные часы» [4, с. 72] — по сути, стенда, на котором сложный механизм монтировали, а потом в тестовом режиме запускали. Причем существовала такая башенка долго (о чем дальше), а это имело смысл только в том случае, если на протяжении длительного времени ее использовали. То есть — если часы изготавливали в Невьянске не год и не два.

5. Башенка — оригинальный стенд для сборки и испытания часовых механизмов — любопытный объект архитектурного комплекса

Невьянского завода. Не рискуем утверждать, что никто не обращал на нее внимания — историография темы обширна. Но нам в текстах новейшего времени эта башенка не встречалась. Между тем она упоминается в достаточно известном источнике — «Книге мемориальной о заводском производстве» Григория Махотина. Читаем в ней описания Невьянского завода: «При плотине ж небольшая часовая башня на столбах с одним чуланом, в котором 1 часы с прибором, медными колесами и одним коротким валиком». Указана цена этой постройки — 30 рублей, что в 10 (!) раз дешевле хранящегося в ней часового механизма [4, с. 72].

Попытаемся определить время существования деревянной башенки. Часы, для «привода и пущения» которых ее соорудили, как мы помним, были «заведены» еще при Акинфии Никитиче. Башенку могли построить и после изготовления часов, но едва ли перерыв между событиями был большим. Еще менее вероятно, что ее соорудили после смерти Акинфия, в период, когда заводы не столько развивались (а строительство башни — полноценное промышленное строительство), сколько поддерживались в работоспособном состоянии.

Отнеся время постройки деревянной башенки к периоду до августа 1745 г., сузим хронологический интервал. Ее поставили, несомненно, после завершения строительства каменной. Об этом говорит отсутствие построек, которые можно с ней соотнести, на рисунке Невьянского завода в «Абрисах» В. И. Геннина (ок. 1735). Первые невьянские (английские) часы были установлены в начале 1730-х на каменную башню, где и настраивались. А дальнейшие часовые опыты потребовали создания отдельного стенда для черного монтажа и наладки — башенки¹.

Как долго башенка существовала после упоминания о ней в 1759 году? Объект отмечен в «Книге мемориальной...» Г. Махотина 1767–1770 гг. На титульном листе сохранившегося экземпляра Книги указано время завершения его оформления: «Рисовано 1776 году». Описание башенки из текста не исключено — соответственно, вполне вероятно, что башенка еще существовала.

¹ Правда, мы знаем, что в 1741 г. Яков Сидоров ездил на Нижнетагильский завод для сборки и установки там часов [4, с. 47]. Но, согласимся, маловероятно, чтобы часовая демидовская фабрика была передвижной — перемещалась с мастером и инструментами, изготавливая, где нужно, часы «с нуля» до полной их готовности. Более вероятно, что переезжал один мастер, который монтировал и юстировал в основном уже законченный механизм.

А вот на плане Невьянского завода, изображающем его после пожара 1772 г.¹, подходящей постройки не видим. Башен на плане немало. Есть и каменная башня, есть и деревянные крепостные, причем показаны не только существующие, но и сгоревшие. Нет только упомянутой в экспликации некой «башни, в которой держали топоры и другие разные припасы». Локализация ее на плане затруднена² — он имеет потертости, отдельные фрагменты изображения утрачены. У конца плотины (куда направляет наш поиск Ведомость Невьянского завода 1746 г. — его описание, составленное при подготовке раздела имущества), или хотя бы просто «при плотине» (как отмечено в Книге мемориальной), такой башни на плане не находим. Но будучи упомянута в экспликации, где-то она все-таки стояла. Может быть, это наша деревянная башенка, правда, уже без часов в ней? Если же нет, придется признать, что она была разобрана до пожара.

Сделаем вывод, объединяющий предыдущие. Если а) часы делались в Невьянском заводе, б) башенка для их сборки и регулировки существовала здесь длительное время, — то часовые механизмы тоже изготавливали долго, на протяжении минимум десятилетия, а скорее больше.

Наше заключение, в общем, совпадает с картиной, нарисованной И.М. Шакинко: «Уже через несколько лет, — писал он, подразумеваемая период после завершения строительства каменной башни, — на Невьянском заводе имелись ‘часовые машины’, которые к часам колеса прорезывают» и другие детали готовят. В середине XVIII века здесь стали делать ‘часы столовые и башенные’ не только для демидовских заводов, но и для продажи» [2, с. 165]. Наш источник эти сведения в общем подтверждает, кроме того, сообщает новые — касающиеся технологии их изготовления. Как видим, помимо машин для нарезания зубьев, на заводе существовал специальный стэнд, на котором производилась сборка и регулировка механизма — наша башенка.

Существовала техника, были освоены технологии — имелись и мастера, так или иначе связанные с часовым делом. В письме Акинфия сентября 1741 г. встречаем упоминание о Якове Сидорове, направленном на Нижнетагильский завод «для постановления часов»³.

1 Опубликовано в «Легендах и былях Невьянской башни» [3, с. 90].

2 Можно только утверждать, что искомая башня — не крепостная. Те обозначены римскими цифрами, а башня, где хранились топоры, латинской буквой.

3 Документ в РГАДА [10]. Выдержки из документа опубликованы И.М. Шакинко [2, с. 29]. Об этом же документе читаем и в «Очерках истории культуры и быта старого Невьянска...» [4, с. 47].

Высказывалось предположение, что он «ходил за часами» на Невьянской башне» [2, с. 29]. Еще одно имя находим в Ведомости Невьянского завода 1746 г. Рядом с упоминанием деревянной башни и часов, которые в ней «становятся», помечено: «под охранением часовщика Клима Тимофеева» [4, с. 72]. Последний назван часовщиком, что само по себе показательно — на демидовском заводе жил специалист этого профиля.

6. Представляя пространственную среду Невьянского завода Демидовского времени, мысленным взором видим ландшафт, пруд, участки одноэтажной жилой застройки, слегка поднимающиеся над ней силуэты производственных построек, конусы невысоких крепостных башен и единственную (до постройки церковной колокольни) вертикальную доминанту — каменную наклонную башню. Это представление следует откорректировать. Существовала еще одна вертикаль, меньшая по высоте, но, несомненно, выделявшаяся на фоне застройки — деревянная часовая башенка «на столбах».

7. Конфликт, разгоревшийся 1759 г. вокруг недоделанных башенных часов, демонстрирует, что братья Демидовы ими дорожили. Доверенные люди Прокофия пытались не выпустить их с завода, предполагая (может быть, с его подсказки), что в хозяйстве их патрона три часовых механизма лишними не будут. Челобитчики, напротив, прилагали усилия, чтобы «по явной же брата... ко интересу склонности (т.е. из-за корыстолюбия. — И.Ю.)... он всего оного себе не захватил» [7, л. 240–243 об.]. Башенные часы были механизмами дорогими. По оценке, зафиксированной в книге Махотина, часы на деревянной башенке стоили 300 рублей, на каменной башне — целых 5000 [4, с. 70, 72].

Но спорили не только потому, что сложные механизмы дорого стоили. Возможно, будущие владельцы хотели их использовать.

Известно, что башни с часами существовали у Демидовых не только на Невьянском и Нижнетагильском заводах. Такая была на конторе Верх-Нейвинского завода; куранты имела церковь в Быньге [2, с. 165]. «Чесовая башня с часами» показана на плане Тульского завода середины 1750-х гг.¹ «На деревянной башне часы железные в действии(и) с медными колесами и с протчею ж медною оправою, при оных часах 8 колоколов» упомянуты на нем и описью А.Ф. Томилова. С колоколами их оценили в 528 руб. Как и в Невьянске, на момент описания здесь был еще один механизм — «часы бол-

1 Документ в РГАДА [11]. План опубликован в книге «Тульский завод Демидовых...» [7] на вклейке между с. 160 и 161 (полный) и на с. 37 (центральная часть с башней).

шие железные со всем принадлежащим прибором и с медною оправою, кои в полатке; ко оным часам железной стан, во оном курантовой вал с принадлежностями, во оном валу весу 42 пу(да)». Их оценили в 714 руб.¹.

Часы использовали для организации производственного процесса. В труде В.И. Геннина имеется раздел, заголовок которого сформулирован как категорическое распоряжение: «На работу и с работы бить в колокол по Адмиралтейскому регламенту» [8, с. 108]. Требование распространялось прежде всего на казенные заводы, однако его польза была очевидна и для заводов частных.

Часы, которые в 1759 г. делили в Невьянске, начинали «строить» на этапе, когда Акинфиево хозяйство было единым. Может быть, они предназначались для отправки на конкретные заводы, которые пока их не имели. После разделения хозяйства эти заводы оказались в разных долях. Входя в управление частями, планируя их развитие, братья учитывали и то, что намеревался сделать отец — в том числе постройку на заводах башен с часами.

Мы не знаем, добились ли братья «равенства в разделе», которого добивались, или Прокофий сумел их переупрямить, и его завод на какое-то (но едва ли долгое) время превратился в часовую выставку. Башенка минимум десятилетие еще стояла, однако при Махотине в ее чулане хранился только один часовой механизм. Из тех ли, на которые претендовали младшие братья, или уже другой, новый, — не знаем. Пережила ли башенка пожар 1772 года — уже обсуждали. Но не огонь, так неизбежное ветшание деревянных конструкций должно было вскоре ее погубить. На берегу заводского пруда осталась единственная башня — каменная, наклонная, Невьянская. Позже к ней прибавилась церковная колокольня.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Федоров, В.Г.** Тайны Невьянской башни [Текст] : ист. очерк / В. Федоров. — Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1964. — 46 с.
2. **Шакинко, И.М.** Невьянская башня : предания, история, гипотезы, размышления [Текст] / Игорь Шакинко. — Свердловск : Средне-Уральское кн. изд-во, 1989. — 304 с.

1 В 1765 г. большие часы по жребию отошли в Ревдинскую часть, часы с башни в Невьянскую. Никита получил денежную компенсацию [12]. Не те ли часы, которые достались сыновьям Григория, находились позднее на колокольне тульской Николо-Зарецкой церкви, в склепе которой были похоронены их родители?

3. **Слукин, В.М.** Легенды и были Невьянской башни [Текст] / В.М. Слукин. — Екатеринбург: Банк культурной информ., 2011. — 128 с.
4. Очерки истории культуры и быта старого Невьянска: люди, памятники, документы [Текст] : к 300-летию города / Под общ. ред. В.И. Байдина. — Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2001. — 247 с.
5. Прокофий Акинфиевич Демидов : письма и документы, 1735–1786 [Текст]: к 300-летию со дня рождения / [сост. и отв. ред. А.С. Черкасова]. — Екатеринбург: Демидовский ин-т, 2010. — 495 с.
6. **Гмелин, И.** Путешествие в Сибирь [Текст] / И. Гмелин, пер. Д.Ф. Криворучко. — Соликамск, 2012. — 86 с.
7. **Юркин, И.Н.** Тульский завод Демидовых : из истории становления и развития доменной металлургии России, 1695–1782 [Текст]: [посвящ. 300-летию первого з-да Демидовых] / И.Н. Юркин. — М.: Наука, 1996. — 240 с.
8. **Геннин, В. де.** Описание уральских и сибирских заводов, 1735 [Текст] / Вильгельм де Геннин. — М.: История заводов, 1937. — 680 с.
9. РГАДА. Ф. 11. Оп. 2. Д. 95.
10. РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 613. Л. 36.
11. РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. Д. 4281.
12. РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 251. Л. 236–237.

Igor N. Yurkin

The Demidov period Nevyansk towers

*Yurkin Igor N., Doctor of Historical sciences, S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences;
e-mail: ig-yurkin@yandex.ru.*

Abstract. The article is devoted to the history of the manufacture of tower clocks at the Nevyansk plant in the years when it belonged to the Demidovs. The author gives information about the tower that existed in Nevyansk, which was used to carry out the assembly and commissioning of such watches. He publishes a fragment of a 1759 document containing information about the wooden and stone towers in Nevyansk. He sets the time of the existence of the wooden tower, the names of the masters who were engaged in the manufacture of clockworks, names the plants on which such towers existed under the Demidovs.

Keywords: Towers, manufacture of clockworks, Demidov, inheritance section, Nevyansk, the look of the factory settlement.